

Вадим Слуцкий

Работа учителя над собой

Книга о том, как научиться быть
Настоящим Педагогом

Вадим Слуцкий

**Работа учителя над собой.
Книга о том, как научиться
быть Настоящим Педагогом**

«Издательские решения»

Слуцкий В.

Работа учителя над собой. Книга о том, как научиться быть
Настоящим Педагогом / В. Слуцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852666-4

Книга «Работа учителя над собой» предназначена для студентов педагогических специальностей, учителей, психологов. Тема книги — самовоспитание учителя в процессе работы с детьми.

ISBN 978-5-44-852666-4

© Слуцкий В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Что такое «работа учителя над собой»?	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Работа учителя над собой Книга о том, как научиться быть Настоящим Педагогом

Вадим Слуцкий

© Вадим Слуцкий, 2017

ISBN 978-5-4485-2666-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация. Книга «Работа учителя над собой» – это одновременно оригинальная теоретическая работа и учебное пособие для студентов педагогических специальностей. Автор рассматривает педагогический процесс как взаимодействие учителя и учеников, в ходе которого меняются и ученики, и учитель. Не изменяя себя, нельзя ничего изменить в других, по мнению автора. Как же работать над собой в самом процессе педагогической работы с детьми? Как, воспитывая детей, воспитать себя? На этот вопрос пытается ответить эта книга.

Сведения об авторе. Вадим Ильич Слуцкий родился в 1962 г. в Кишиневе (Молдова). Педагог и писатель. Автор книг: «Элементарная педагогика» (М., 1992), «Общая педагогика» (М., 1993), «Катехизис» директора школы» (М., 2007). Публиковался в журналах «Народное образование», «Школьные технологии», «Мир образования – образование в мире», «Воспитание школьников», «Педагогика», «Образование и общество», «Директор школы», «Мир психологии», «Вопросы психологии»; газетах «Первое сентября», «Управление школой», «Классное руководство и воспитание школьников», «Учительская газета». Работает преподавателем Школы творческого развития «Ключ» г. Петрозаводска.

Мы начинаем с самого близкого, с самого начала —
с самих себя. Мы попытаемся изменить этот маленький
кусочек мира, прежде чем отправиться спасать других.
И, может быть, в конце концов это не такая уж глупая
мысль, ибо, кто знает, не является ли изменение себя
самым эффективным способом изменения других?

.....
Мы можем работать над собой каждую минуту.
И тогда жизнь становится удивительно увлекательной,
потому что малейшее обстоятельство становится
возможностью для победы – мы сосредоточены, мы
куда-то идем – вместо того, чтобы идти в никуда.
(Шри Ауробиндо [8, с.18])

Предисловие

В основе этой книги – особый взгляд на педагогический процесс как на одновременное изменение других и себя (воспитание и самовоспитание). Причем, на мой взгляд, это не разные процессы, а две неизбежно сопутствующие друг другу стороны **ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ПРОЦЕССА**. Воспитывая – неизбежно воспитываешься. Отказываясь от самоизменения, уже не можешь ничего изменить в других.

Впрочем, совсем не меняться человек не в состоянии. На самом деле, взаимодействуя с детьми, мы всегда как-то меняемся, но обычно совсем не так, как следовало бы. Часто при этом нельзя говорить о том, что мы, педагоги, влияем на детей, – нередко как раз дети влияют на нас.

Почему так происходит? Что это – следствие непрофессионализма? Думаю, что нет: во всяком случае, если понимать термин «педагогический профессионализм» так, как он понимается сейчас.

А понимается так. Это:

профессиональные знания;

профессиональные умения и навыки (например, умение компановать учебный материал, как-то его подать, приспособив к особенностям своих учеников), обычно их называют «методическим мастерством»;

т.н. «педагогическая техника».

С первыми двумя пунктами все более-менее ясно, и здесь нет смысла их раскрывать. Что до «педагогической техники», то этот термин каждый автор понимает по-своему, с какими-то собственными вариациями. Например, И.А.Зязюн включает сюда: 1) технику владения своим организмом (понимая под этим почему-то только мимику и пантомимику), 2) технику управления эмоциями, 3) пробуждение творческого самочувствия, 3) технику управления вниманием, воображением, 4) технику речи, 5) технику организации контакта, 6) управление педагогическим общением, 7) технику внушения – а также т.н. «внутреннюю технику»: 8) педагогический оптимизм, 9) уверенность в себе, отсутствие страха перед детьми, 10) умение владеть собой, отсутствие эмоционального напряжения, 11) наличие волевых качеств (целеустремленности, решительности). [1, с.155—156]

Я привел здесь этот перечень скорее в качестве курьеза, потому что тут мы видим смесь, составленную из действительно технических умений и навыков (техника речи), особых способностей + умения (мимика) и личностных качеств (уверенность в себе). Как можно все это вместе соединить и почему это все «педагогическая техника» – непонятно.

Впрочем, не в этом дело. Никто не станет спорить с тем, что «педагогическая техника» существует и она нам нужна. Понятно, что «педагогическая техника» – это постановка голоса, элементарное актерское мастерство и, может быть, еще что-то. Конечно, хорошо бы четко уяснить, что входит в это понятие, что нет. Но нас сейчас интересует не это.

И.А.Зязюн (как и все прочие авторы) уверен, что всему, что должен уметь Настоящий Педагог, можно и нужно *научиться в институте*, – и придти к детям *уже обученным*. Т.е. уверенным в себе, умеющим «организовать контакт», без эмоционального напряжения, с развитой мимикой и пантомимикой, поставленным голосом и пр., и пр. И тогда уже эффективно обучать и воспитывать.

Я же глубоко убежден, что это невозможно. Кое-чему – не главному – можно научиться заранее. Но не всему. Педагог, как это ни странно, **не может ЗАРАНЕЕ СТАТЬ ТАКИМ, КАКИМ ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ**, – еще до того, как он начал работать с детьми. Он **может** стать таким **ТОЛЬКО В САМОМ ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ** – и по-другому этого никак нельзя достичь. Невозможно в принципе.

Повторяю, кое-чему – и даже многому – можно научиться заранее. Но – не самому главному. Самое главное, что делает человека Настоящим Педагогом, приобретается В САМОМ ПРОЦЕССЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ – и никак иначе.

И это самое главное – не профессиональные знания, умения и навыки и не «техника». А Я САМ КАК ЛИЧНОСТЬ.

Т.е., чтобы воспитывать детей, я должен одновременно воспитывать себя, становиться другим – как человек, как личность. Причем, я должен НЕПРЕРЫВНО МЕНЯТЬСЯ, непрерывно воспитываться.

Нельзя за 5 или 10 лет научиться этому – окончательно и бесповоротно. Стать кем-то – и потом, уже не меняясь, успешно воспитывать. Воспитание, на мой взгляд, – это процесс медленного, постепенного человеческого восхождения И УЧИТЕЛЯ, И УЧЕНИКА. Такова природа этого процесса, его суть.

Остановился учитель – остановился и ученик.

Возьмем простую аллегорию: Взрослый и Ребенок вместе поднимаются в гору. Внизу – зловонное болото. На вершине – некая Страна Обетованная. И вот они поднимаются. Понятно, что ведет Взрослый: он старше, сильнее, умнее. Он решает, куда и как двигаться; он поддерживает малыша. Но ОН НЕ СТОИТ НА ВЕРШИНЕ. Он тоже идет! Идет рядом с Ребенком, может быть, только чуть впереди. Если он остановится – остановится и ребенок. Если споткнется, покатится вниз, то, скорей всего, увлечет за собой и Ребенка.

Конечно, никакая аллегория ничего не доказывает. Однако педагогическая деятельность – подобно религии – основана не на точном доказуемом знании, а на личных убеждениях, на вере. Такова ее природа.

Я же хотел, чтобы вы просто лучше поняли, о чем я говорю.

Итак, мы ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ ДВИЖЕМСЯ, ПОДНИМАЕМСЯ. И этот «подъем» – это изменение себя, создание себя как личности. И значит, Настоящий Педагог – именно как человек, как личность – ВСЕ ВРЕМЯ МЕНЯЕТСЯ. ОН НИКОГДА НЕ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ!

Педагогическая деятельность, на мой взгляд, сущностно подобна любви (любви-заботе, а не эротической любви) и дружбе. Можно ли заранее (в каком-то учебном заведении) выучиться дружить и любить, если вы пока еще ни с кем не дружите и никого не любите?

Итак, первое отличие моего подхода к проблеме от традиционного – в том, что работа учителя над собой, на мой взгляд, может происходить ТОЛЬКО В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ, а не до него.

Второе отличие: традиционный подход состоит в том, что такая работа считается сугубо профессиональной, технической, – я же считаю ее интимно-личностной духовной работой, самоизменением, созданием себя – именно как человека. В традиционном понимании я сам как человек не меняюсь, становясь педагогом. Мои человеческие качества остаются прежними. С моей же точки зрения это не так.

Правда, в понятие «педагогическая техника» или «педагогическое мастерство» часто включают и личностные качества, видимо, не понимая, что это такое. Я уже отмечал, что И.А.Зязюн хочет научить своих студентов «управлению эмоциями» с помощью техники. Я же глубоко убежден, что наши эмоции тесно связаны с ядром нашей личности и никакая техника не может помочь ими овладеть. А если бы это было так, то человек был бы машиной. Но мы не машины, мы люди.

Чтобы эмоции стали другими, надо самому в какой-то мере стать другим. «Управлять эмоциями», оставаясь человеком, можно только так: измениться – и тогда изменятся ваши эмоции.

Однако то, что в понятие «педагогическая техника» включают (пусть и по недоразумению) черты личности, по-видимому, говорит о том, что многие авторы смутно догадываются: на самом деле «техника» – это еще не все. Но ясного осознания проблемы у них нет.

Наконец, есть и третье отличие: традиционный подход определяет и начало, и конец работы учителя над собой. Конец наступает тогда, когда учитель уже всему научился. Т.е. приобрел все необходимые профессиональные знания, умения и навыки, методическое мастерство и педагогическую технику. С этого момента ему уже ничему учиться не нужно – а если нужно, то это не столь существенно. Теперь он может эффективно обучать, воспитывать, формировать.

Я же убежден, что, остановившись в своем личностно-профессиональном (для нас, педагогов, это нерасторжимо) развитии, педагог теряет возможность воспитывающе влиять на детей.

Т. е. КОНЕЦ РАБОТЫ НАД СОБОЙ – в традиционном понимании – это *начало* настоящей педагогической работы. А в моем понимании – это ее *конец*.

Я могу определить только НАЧАЛО работы учителя над собой. А конца не должно быть – до тех пор, пока он остается учителем.

Итак.

Традиционный подход. Мой подход.

1. Работа учителя над собой 1. Работа учителя над собой происходит до того, как учитель в процессе работы с детьми, и в принципе пришел к детям. невозможна в иных условиях.

2. Это чисто техническая 2. Это изменение себя самого как человека, профессиональная работа. как личности.

3. Конец работы учителя над 3. Конца у этой работы нет (по крайней мере, пока мы остаемся педагогами). педагогической работы.

Впрочем, эти две точки зрения не отрицают, а дополняют друг друга. То, что записано слева (и относится к чисто профессиональной, технической составляющей работы учителя над собой, которая происходит, главным образом, в институте или, во всяком случае, вне школы и имеет четко определенные границы), тоже нужно. Но это не главное. Главное – это то, что справа.

Педагогический процесс – не только и не главным образом профессиональная деятельность (хотя – и профессиональная тоже). Это, прежде всего, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКОВ. Это стержень, сердцевина педагогического процесса, иерархически главная его составляющая.

Человеческим отношениям можно и нужно учиться. Но – не в институте. Человеческим отношениям можно учиться только в процессе самих человеческих отношений.

Как же это возможно?

Глава 1. Что такое «работа учителя над собой»?

Постановка проблемы.

Эпизод 1. Таня Цветкова и Сергей Иванович.

Сценарий А (пессимистический).

Сергей Иванович – учитель средних лет, математик. Он очень любит свой предмет, серьезно к нему относится; вообще он хороший учитель. Раньше он жил в маленьком городке, но перед началом нового учебного года переехал с семьей в большой город. Нашел работу в новой, недавно построенной школе.

В новых школах часто нет порядка, так же было и в этой школе. У Сергея Ивановича – 4 новых класса, это больше 100 учеников. И классы сложные, только что сформированные. Коллективов нет, много сложных детей. Трудно, очень трудно пришлось Сергею Ивановичу в том учебном году. И самым трудным оказался 8 класс. В котором и училась Таня Цветкова.

В 8 классе, где, в основном, были способные умные дети, сидело несколько балбесов, упорно не желавших учиться, но желавших жениться: для чего необходим аттестат о среднем образовании. Делать они ничего не делали, а положительные оценки получать хотели, более того, пребывали в полной уверенности, что это не их проблема, а проблема учителя – как им выставить «троечки». Но Сергей Иванович не такой человек, чтобы кому-то «дарить оценки». Пришлось объявить балбесам «незримый бой». Так было назначено судьбой!

А Таня Цветкова сначала произвела на него очень хорошее впечатление. Она тоже умная и способная. Высокая, хорошенькая. Из благополучной семьи. Когда Сергей Иванович в начале сентября познакомился с классом, Таня – единственная – подарила ему букет цветов. Было приятно.

И ученицей она ему показалась хорошей. Правда, на уроках она что называется «не всегда хорошо себя вела»: любила поболтать с подружкой, Ариной Чекаловой, с которой они вместе сидели. Но стоило на нее посмотреть – даже не строго, просто посмотреть – и она замолкала. Она внимательно слушала объяснения учителя: во всяком случае, такое у нее было лицо. Выполняла все или почти все задания. Сергей Иванович очень уставал, проверял работы не всегда внимательно: ему казалось, Таня неплохо усваивает материал. С ним она была предупредительна, вежлива, даже по-детски ласкова.

В общем, Таня ему нравилась и даже была для него «лучом света в темном царстве» 8 класса.

Но шло время. «Незримый бой» был выигран на всех фронтах: получив «пары» за четверть и вытекающий из них хороший «втык» от родителей, балбесы зашевелились, закричали. Класс стал больше походить на класс – а не на толпу, как в начале учебного года: появились лидеры (одним из которых стала Арина Чекалова, подружка Тани), дети притерлись друг к другу. Привыкли к требованиям учителя, втянулись в работу. Классом, в общем, Сергей Иванович был теперь даже доволен.

И вот тут он неожиданно для себя обнаружил, что Таня – очень недобросовестный человек. У него теперь было больше времени на проверку их работ, он меньше уставал. И ясно увидел: она только изображает старательность, а, в сущности, работает поверхностно, без интереса. Он стал замечать у нее грубые, нелепые ошибки, недопустимые для восьмиклассницы.

И Танины оценки поползли вниз. В первой четверти она имела твердую «четверку», даже с некоторой надеждой на возможное ее превращение в «пятерку». Во второй же четверти погрязла в «тройках» – не без примеси «двоек».

Сергей Иванович все думал, что нужно поговорить с Таней, но времени выбрать так и не мог.

Между тем, Таня становилась все более хмурой и раздражительной. Два или три раза она – как показалось учителю, намеренно – не поздоровалась с ним в коридоре, притворившись, что его не заметила. На уроках перестала улыбаться, смотреть в глаза; исчезла ее милая детски-женская ласковость. Все чаще она посматривала на Сергея Ивановича с явной злостью.

В конце четверти писали контрольную. Таня получила «двойку», а можно было поставить и «единицу». Работа ее была худшей в классе: будто она специально все сделала шиворот-навыворот. За четверть – хиленькая «троечка».

Прошел Новый год, кончились каникулы. Началась третья четверть. Таня пришла на первый урок математики. Сергей Иванович мельком посмотрел на нее – и едва ее узнал: это была какая-то другая Таня. Лицо злое, какое-то заострившееся, как у хорька. Глаза блестят, резкие движения. Она уже не казалась красивой. Ни она, ни Арина с учителем не поздоровались.

Начался урок. Таня и Арина болтают, ничего не слушают.

Арина – девочка потрясающе красивая, умная, с сильным характером, очень авторитетная в классе, но глубоко неинтеллигентная, грубая, хамоватая. Вела она себя откровенно вызывающе, а Таня посматривала на учителя просто с явной ненавистью.

Сергей Иванович сделал им одно замечание, другое – вежливо, тактично. Они – ноль внимания.

В середине урока учитель, записывая что-то на доске, допустил ошибку – вернее, это была описка: вместо знака > (больше) он написал = (равно). Таня это заметила – и что-то такое громко съязвила, вроде того, что вот-мол, какой у нас умный учитель. Это было глупо – скажи такое кто-нибудь из балбесов, Сергей Иванович спокойно бы его одернул или просто пропустил бы мимо ушей: мели, Емеля, твоя неделя. Но – Таня! Что это с ней? Он был искренне изумлен, и его это очень задело.

А самое главное – в ее голосе была такая ненависть, такая злоба, такое раздражение! Это был мощный заряд отрицательных эмоций, которым Таня выпалила в него. И выстрел попал в цель. Он почувствовал себя неуверенно, зажался.

Она это тут же почувствовала – и принялась язвить вовсю. Шипела, как змея: по всякому поводу и без всякого повода. К ней прислушивались; кое-кто негромко подхихикивал. Явных неприличностей и грубостей она не говорила: Таня – из очень приличной семьи, она не привыкла к грубостям. Но все это было так зло, она его так ненавидела! А Арина – та попроще: она просто начинала откровенно хамить, стоило к ней обратиться. Сергей Иванович старался сдерживаться и до конца урока ни о чем не спрашивал ни Таню, ни Арину и делал вид, что их не замечает.

Но когда 8 класс ушел из кабинета, его буквально трясло. Он даже подумал: не спуститься ли в медпункт – принять валерьянки, таблеток этак 5—6? Но неудобно было: он же не женщина все-таки. Пришлось вести урок в 5 классе в таком ненормальном состоянии: дети маленькие, они как-то даже с испугом на него посматривали – видно такое у него было лицо, такой голос. Он пытался говорить спокойно, ласково – но получалось как-то фальшиво.

С тех пор так и пошло – все хуже и хуже. Его начинало колотить еще до урока в 8 классе, от одного предчувствия. С Таней поговорить не удавалось, она его избегала. С Ариной он говорил: она высказала все, что думала о его несправедливости, что он придирается к Тане, – он ее внимательно выслушал и спокойно объяснил, почему стал ставить Тане низкие отметки. Интересно, что, хотя наедине Арина точно так же хамила и грубила, как и в классе, и даже еще почище, но его это ничуть не раздражало, она не заражала его своими эмоциями.

Но стоило ему увидеть Таню, услышать одно ее слово – и его опять всего трясло. Таня не оставляла его в покое, не успокаивалась. Наоборот, казалось, ее ненависть все растет. Он старался с ней не разговаривать и не смотреть на нее, но от этого как будто становилось только хуже.

Поговорить с родителями? Но что он им скажет? Ведь формально Таня ничего не нарушает: писать она пишет – другой вопрос, как. Уроков не прогуливает. Даже фактически не грубит! Сказать: «Ваша дочь меня возненавидела»? Как это можно такое родителям сказать?!

Он стал плохо спать. Танино ненавидящее лицо преследовало его целыми днями: он видел его в троллейбусе, сидя за своим письменным столом. Во время уроков в 8 классе он все время был в таком состоянии, как человек, ждущий, что его сейчас ударят палкой по голове, а он не может увернуться от удара. Он невольно все время прислушивался к тому, что говорят друг другу Арина и Таня, хотя и делал вид, что не обращает на них внимания.

Арина, правда, после того разговора успокоилась: она только держалась очень отчужденно и Тане не мешала шипеть и злиться, но подлаивать ей перестала. От этого Таня злилась еще больше – а Сергей Иванович все больше нервничал.

Он понимал, что что-то надо делать, как-то это надо прекратить – но как? Целыми днями он думал об этом. Он уже не мог читать: прочтет несколько строк – и ловит себя на том, что думает о Тане.

Ему раньше казалось, что она хорошая девочка. Теперь он понял, что это змея в детском образе, это редкая мерзавка, дрянь. Но что с ней сделать? Как это все прекратить?!

Однажды ему привиделось такое: Таня идет одна по какому-то темному переулку. Он бросается на нее, душит. Затем засовывает тело в мешок и сбрасывает в какую-то яму.

Эта безумная фантазия вызвала у него упоение.

Может быть, отказаться от этого класса? Но что это даст? Все равно он будет встречаться с ней в коридоре, в столовой. Ей достаточно одного слова, одного взгляда, чтобы отравить ему весь день. К тому же – как позорно, недостойно: отказываться от класса, не справившись с какой-то девчонкой, и даже не особенно-то трудной, самой обычной.

Может быть, взять отпуск за свой счет, съездить в деревню, покататься на лыжах, успокоиться? Но дадут ли? И неудобно: в середине учебного года – вдруг, без всякого повода.

Просто не обращать на эту стервочку внимания? Надо, надо бы не обращать. Но как этого добиться от себя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.